

ГЛАВА 2

Дарий

Он выпрямился и обессиленно прислонился спиной к дереву. От увиденного все еще кружилась голова, горький ком подступил к горлу.

— Ты закончил? — ворчливо осведомилась Варна.

— Да, думаю, да, — пробормотал Дарий и провел дрожащей рукой по слипшимся от пота волосам.

Соврал, конечно. Тело все еще пыталось исторгнуть из себя съеденную накануне пищу. Странно, ведь такого прежде не случалось. Он всегда смело смотрел на ужасы, творящиеся вокруг, и сохранял ясность рассудка, а теперь его бросало в дрожь от одного вида растерзанных тел, не говоря уже о запахе тлеющей плоти, пролежавшей на солнце несколько дней.

— Тогда пойдем. Главное, что никто этого не видел. Хоррош Мрачный Взор.

Дарий услышал ее удаляющиеся шаги, подождал несколько мгновений и снова согнулся пополам в мучительном позыве.

Всю зиму его рвало чем-то черным, он то и дело сползал с лошади и исторгал из себя чужую кровь. Однажды, когда они загоняли перевертыша, его вырвало на полном скаку. Ехавшая позади Варна ругалась словами, за которые ее могли бы отлучить от церкви.

Пошатываясь, Дарий вышел из леса и окинул взглядом бескрайнее поле. Оно казалось самым безмятежным местом в этих землях, но он знал, что там, впереди, лежат останки людей, погибших страшной, мучительной смертью.

Ветер донес до него смрад гниющих тел — и тошнота снова подступила к горлу. Волевым усилием он заставил себя расправить плечи и вернуться к месту бойни.

Варна сидела рядом с трупом и спокойно рассматривала его. И как она все это выносит?

— Что скажешь? — его голос дрожал.

— Похоже на то, что мы видели в Торжке и Моррее. — Она подняла голову и посмотрела на него. — Но они точно не совокуплялись и не перебили друг друга в приступе ярости.

— Что тогда? Что с ними могло произойти?

— Смотри. — Варна приподняла край белого сарафана и показала ему распухшие ноги покойницы. — И весь подол в крови.

— Может, они долго шли сюда? — предположил Дарий.

— Осмотри вон тех, — она махнула рукой. — И на ноги обрати внимание.

Подходить к мертвецам у него не было никакого желания, но не мог же он взвалить всю работу на ее плечи?

Смиренно кивнув, Дарий приблизился к сваленным друг на друга телам и принялся их разглядывать.

Умерли они, судя по всему, несколько дней назад, но воздух здесь влажный, а солнце жаркое, так что разлагались тела куда быстрее, чем обычно. А вот ноги и правда были сбиты — сапоги разорваны, ступни стерты. Не плясали же они до упаду, в самом деле?

— Ну что? — крикнула Варна.

— То же самое! — откликнулся он и прижал рукав к носу. — Ну и вонь...

— С каких пор ты таким нежным стал?

Варна подошла ближе и обтерла руки о штаны.

— Теперь от тебя тоже будет вонять, что ты делаешь? — поморщился Дарий.

— От нас всегда несет мертвечиной, или ты забыл?

— Не от нас, а от меня, — пробормотал он.

— Ну, теперь мы поменялись местами. Ничего странного не заметил?

— Кроме двух десятков мертвецов? Нет, все остальное в полном порядке, — фыркнул он.

— Нужно деревню проверить. Не могут же люди жить там и не знать, что здесь произошло.

— А тела? Сожжем?

— Потом вернемся, — отмахнулась Варна. — Что с ними станется?

Они подошли к лошадям, взяли их под уздцы и повели вдоль ручья, прислушиваясь к его беззаботному журчанию. В траве жужжали насекомые, солнце припекало макушки, и вскоре Дарию начало казаться, что оставленные позади тела — всего лишь морок. Как может произойти что-то плохое в такой светлый день? В детстве он всегда думал, что смерть тесно связана с ночью, что самые страшные твари выходят на охоту только после заката.

— Кто это тут у нас?

Варна подошла к ручью и ногой перевернула безжизненное тело. Гусли жалобно звякнули, ударившись о землю.

— Гусляр, ты ж смотри... — пробормотала она, наклоняясь. — Такой же раздутый, как остальные, даже хуже. Вода свое дело знает.

— А я только хотел напиться.

— Ну, теперь придется потерпеть, даже я не рискну флягу наполнять этой водой. Гусли испорчены, только глянь...

Варна подняла гусли и долго рассматривала их, прежде чем сказать:

— Посмотри-ка, на струнах кровь.

Дарий присел рядом с мертвецом и аккуратно потянул того за рукав. Пальцы на его руке распухли, подушечка мизинца была рассечена так, что торчало посеревшее мясо.

— Знаешь, а ведь и правда на поле хороводы водили, — сказал Дарий. — А этот несчастный играл им, похоже.

— Думаешь? — Варна приладила гусли к седлу и взялась за поводья. — Пойдем узнаем, почему местные жители тела

гнить на поле оставили, да о делах справимся. Что-то подсказывает мне, что помощь наша пригодится.

— Да что ты? — усмехнулся Дарий. — Какая проницательная сегодня.

— На подзатыльник напрашиваешься, — беззлобно ответила Варна. — Теперь-то ты сполна его почувствуешь, не то что раньше.

Тут она была права. С тех пор как Свят опоил Варну кровью Рославы, с ним, с Дарием, происходило что-то странное.

Мало того что всю зиму он мерз, так и тело его начало преобразаться. Все реже им приходилось совершать ритуал на крови, запах смерти почти пропал, а чувства! Порой они захлестывали Дария с головой. То щемящая тоска, то всепоглощающая радость, а порой и страх, о котором он давным-давно позабыл. Да и на солнце ему хуже не становилось. Еще и дышать начал недавно, того и гляди, сердце снова биться начнет.

С Варной они не говорили об этом, словно боялись удачу спугнуть, но с каждым днем он все живее становился, будто колдовство вернуло ему душу.

Деревня встретила их тишиной, только собаки брехали да коровы недоенные в хлевах кричали. Ни ребятни, ни стариков у колодцев — никого не было, ни одной живой души.

— Да сколько ж деревень опустеть должно, чтобы Зверь насытился кровью? — Варна ногой распахнула калитку и вошла во двор. — Эй! Хозяин!

Тишина. Никто не откликнулся.

— Бьюсь об заклад, что пусто здесь. — Дарий вздохнул. — Хотя смотри, церквушка-то построена, значит, приняли нового Бога местные.

— Да только не защитил он их.

Варна посмотрела на покосившийся крест, возвышающийся над соседними избами, и подошла к крыльцу. Постучала в надежде, что хозяин все-таки откроет, но не дождалась ответа и плечом дверь выбить решила. Да только та не заперта оказалась, и она с разбегу через порог перелетела и на пол упала.

— Варна!

Дарий кинулся к ней и подал руку, чтобы помочь подняться. Варна покряхтела, выругалась, но помощь приняла с благодарностью.

— Не рассчитала, — смущенно сказала она.

— Случается, — миролюбиво ответил Дарий.

Их глаза встретились, и вновь в душе его что-то затрепетало, ожило, приятная истома охватила тело. Куда же пропала вся злость, все раздражение, которое изводило его последние годы? Он так мечтал уйти, избавиться от нее, а теперь держит ее за руку и совсем отпускать не хочет.

— Глаза изменились, — заметила Варна и отстранилась. — Темными стали, как раньше.

— Правда? — Дарий прикоснулся пальцами к лицу и глупо улыбнулся. — Это ведь хорошо?

— Кто знает. — Она отвернулась. — Нужно осмотреться.

Осмотрелись, а толку? Изба как изба, угол красный, самовар на столе, в подполе сорока мертвая, над порогом крест. Люди вроде и Бога приняли, но и от старых обычаев не отказались.

— Везде так будет, нутром чую, — сказала Варна, когда они вышли на улицу.

— Другие дома проверять не станем?

— Нет в этом смысла. Но в церковь заглянем: вдруг пощадило колдовство человека божьего?

— Так ты уже решила, что это ведьмы были? — удивился Дарий.

— Сам знаешь, что нечисть на такое неспособна. Сожрать, кровь выпить, ребенка украсть — да, но не целую деревню плясать до смерти заставить.

— Но зимой мы видели нечисть, которой до того никогда не встречали, — напомнил он.

— Коляда теперь мне мороком кажется, — призналась Варна. — Как вспомню все, что произошло, мороз по коже.

Церквушку местные, похоже, особо не жаловали — стены покосились, крест сполз с купола, дверь со скрипом отворилась.

— Ты погляди!

Варна указала на скромный иконостас с новехонькими иконами. На фоне общей запущенности он выглядел чужеродно, будто попал сюда из иного мира. Иконы золотом блестя, лик Божий был обращен к кающимся.

— И как их не украли? — удивился Дарий.

— Куда бы вор их дел? За кражу из храма руку отрубают, если ты забыл.

Дарий остановился напротив иконостаса и принялся разглядывать рукотворные шедевры в золоченых рамах. Прежде новый Бог казался ему недостижимым идеалом, которому поклоняться всякий должен, а теперь... После всего, через что ему пришлось пройти, вера в силы всемогущие на нет сошла. Там, в небесах, есть кто-то, кто дарует Светозарным силу Слова, кто лечит раны и несет возмездие белым пламенем, но нет ему дела до молящихся, не смотрит он на просящих, только на воинов, что творят Его волю. Будь он таким справедливым, как говорили наставники, позволил бы он ведьмам по земле разгуливать да бесчинства творить? Позволил бы умирать детям в муках, а негодяям доживать до глубокой старости? Что-то не так с этим Богом, раз он веру свою огнем и мечом насаждать позволяет.

— Смотри.

Варна достала из-под пола кувшин, открыла его и усмехнулась:

— Кровь Господня для причастия.

— Не станешь же ты... Варна!

Но она уже отхлебнула из кувшина. Вино потекло по подбородку, замочило воротник, а она только ухмыльнулась:

— Причастишься?

— Богохульство, — проворчал Дарий, но подошел ближе и протянул руку. — Давай попробую, вдруг оно не сожжет меня изнутри.

— Меня же не сожгло, — справедливо заметила она.

Он сделал маленький глоток и замер, ожидая неминуемой расплаты за содеянное. До недавнего времени ему и на святую землю заходить было нежелательно, а теперь ничего

не происходило, даже покалывание легкое прошло недавно. Вот и сладкое вино оказалось просто вином, а не отравой.

— Вкусное, — сказал он.

— Сейчас бы напиться и вздремнуть, благо места вокруг предостаточно.

— Мстислав бы с нас шкуру спустил, — усмехнулся Дарий.

— Хорошо, что он этого не увидит.

— Ты что, правда решила здесь на ночь остаться?

— А куда нам идти? Снова в поле спать? Нет уж, мертвецы никуда не денутся, до утра подождут, а я не прочь на перине мягкой отдохнуть.

Варна снова отпила из кувшина и передала его Дарию. Ее щеки покраснелись, а глаза задорно заблестели.

— Ведешь меня по скользкой дорожке, — вздохнул он.

— Ты теперь волен не ходить за мной, — вдруг сказала она.

— Прогонишь меня? — осмелев от вина, спросил Дарий. — Велишь уйти?

Варна помолчала, задумчиво косу покрутила, затем ответила:

— Привыкла я к тебе за десять-то лет. Пока сам не захочешь, прогонять не стану. Пойдем, поищем подходящий дом.

Неожиданно больно ее слова ужалили, в самое сердце вонзились, словно кинжалы. Привыкла? И это все, что она сказать может?

Сам он точно знал, что ни за что бы ее не оставил. Вместе с плотью оживали и чувства, давно похороненные где-то внутри. Пусть теперь он выглядел рядом с ней совсем мальчишкой, но то, что Дарий через смерть пронес, долго зрело в душе и теперь наконец обрело ясные очертания.

Человек, который согласился сбежать с ней из церкви, воскрес, восстал из мертвых и от слов своих не отрекся. Предложи она ему бросить все и умчаться в далекие земли за княжеством — он бы согласился не раздумывая, будто не было этих лет, наполненных болью и гневом.

Но для Варны все изменилось. Она походила на цветок, выросший на пепелище вопреки невзгодам, но лишения эти

выжгли все хорошее, что было между ними, обратили чувства в прах, и ничего в ней не осталось, кроме смирения с их вынужденным сосуществованием.

Он понял это так неожиданно и ясно, что задохнулся, словно его в грудь ударили.

— Ты идешь? — Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. — Солнце садится, лучше бы нам найти ночлег.

И Дарий пошел, понутив голову, а что еще оставалось? Никогда он себе не позволит сказать ей, что все его чувства вернулись, что в душе у него снова весна наступила. Лучше бы ему забыть об этом, сохранить все хорошее, что было между ними, и поглубже спрятать, чтобы никогда больше к этому не возвращаться.

Свят опять спас их, и сердце Варны, должно быть, наконец открылось ему. Не мог Дарий злиться на них, не мог ненавидеть Свята за то, что прежний друг стал плечом для нее, которым он, Дарий, всегда хотел быть. Да и нужно ли Варне то плечо? Из угловатой, упрямой девчонки выросла сильная женщина; жаль, только сейчас он смог оценить ее по достоинству.

Нет в ней девичьей нежности, нет женской игривости, сила через край бьет, шаг уверенный, осанка прямая, она точно знает, чего хочет, и никогда не терзается сомнениями. И если сердце ее выбрало Свята... Пусть будет так. Вместе они представлялись непобедимыми, красивыми и сильными; казалось, они способны горы свернуть, одолеть всех, кто встанет на их пути. Не зря Гореслав их в паре охотиться готовил, они дополняли друг друга — спокойный, уравновешенный Свят и настойчивая, целеустремленная Варна.

От мыслей этих слезы на глаза навернулись, но Дарий смахнул их и попытался убедить себя, что рад за них. Пусть нет больше между ним и Варной любви, но ведь и за друзей порадоваться он теперь способен, верно? Спустя столько лет они наконец открылись друг другу и счастья заслуживают больше других.

Но подлый голосок внутри вдруг прошептал: «А где Свят-то?»

И впрямь, Дарий — он здесь, рядом, почти оживший, юный, исполненный любви, а Свят снова исчез, ушел с ведьмами. Да и своих дел у него неспор — брат, Навь, ковен... Мог ли Дарий надеяться, что сердце Варны дрогнет, что найдется в нем место и для него?

По коже мурашки поползли, он сам удивился этим подлым мыслям. Никогда не был Дарий завистливым и злым, так что же случилось? Или всегда в нем сидела эта червоточина, которую Мстислав пытался плетью из него выбить?

— Этот дом подойдет.

Варна решительно вошла во двор, открыла дверь и махнула рукой, зовя друга.

Он смиренно оставил лошадей, уже щипающих сочную молодую траву у колодца, и вошел в темный дом, прислушиваясь, чтобы убедиться, что внутри нет никого чужого.

— Я на печи посплю, — решила Варна, — а ты в комнату ступай.

— Не я перину помягче искал, — напомнил Дарий. — Иди отдыхай, мне сон не так нужен.

Она пожала плечами, выложила на стол несколько свечей из сумки, зажгла одну и скрылась за маленькой дверкой.

— Может, в баню? — раздался ее голос спустя несколько минут. — Мы в дороге несколько дней провели.

Дарий оглядел себя и робко ответил:

— А со мной ничего не случится?

— Вот и узнаем!

Варна вышла из комнаты в выпущенной из штанов рубашке и с гребнем в руке. Она покраснела от выпитого вина, а в глазах плясали черти. Впрочем, черти могли Дарию и почудиться.

— Затопишь? — Она принялась распускать косу. — От меня несет лошадьми и гнилью.

— От меня, знаешь ли, тоже, — пробормотал Дарий и поспешил выскочить из дома.

Проклятое тело, будь оно неладно! Столько лет он на женщин внимания не обращал, а тут! И чувства эти странные, волнами накатывающие...

— Чур меня, — прошептал Дарий, быстро хватая из поленицы дрова, — чур!

В какой-то момент он хотел вернуться в дом и заявить, что после заката баню топить негоже, что банник будет лютовать и ночью попытается кого-нибудь задушить, но Дарий сумел совладать с собой, наносил воды и принялся ждать, пока та нагреется.

Почувствовав расслабляющее тепло, Дарий снял плащ, расстегнул рубаху и поморщился, увидев уродливые шрамы на порозовевшей коже. Они налились кровью, побагровели и выглядели так, словно ритуал провели совсем недавно.

От воспоминаний о ночах, которые они с Варной провели на столе в пустом доме, ему стало не по себе. Конечно, большую часть времени он был на границе между Явью и Навью, но в какой-то момент ощутил тяжесть чужого тела и приглушенную боль. Что довелось пережить ей, Дарий даже представить себе не мог.

Варна вошла в предбанник и принялась раздеваться. Дарий поспешил отвернуться, но успел отметить, что она совсем не стесняется его, будто он часть обстановки, словно стол, не заслуживающий внимания.

— Как себя чувствуешь? — спросила Варна.

— Все в порядке, — ответил он и проскользнул в парилку.

Схватив вышитое полотенце, Дарий прикрылся им и сел на деревянную скамейку. Кровь прилила к лицу, стало нестерпимо жарко. За столько лет он отвык от тепла, ведь его тело требовало бережного отношения. Летом ему приходилось ночевать у воды или в погребке. В особенно жаркие дни они с Варной прятались в тени, чтобы сохранить его тело невредимым.

Варна вошла в баню и беззастенчиво расположилась напротив. Он отвел взгляд и с мучительным стыдом вспомнил момент из детства, когда они точно так же парились и он впервые понял, что такое желания плоти. После этого Мстислав начал учить его дух плетью.

— Ты выглядишь все лучше с каждым днем, — сказала Варна.

— Не обманула ведьма, — ответил он, упрямо глядя куда-то в угол. — Но шрамы просто ужасные.

— Я со своими смирилась.

Волей-неволей он посмотрел на нее, стараясь сосредоточить внимание на колдовских символах. Шрамы побелели от времени, но остались грубыми и плохо зарубцевавшимися. В этих местах их плоть проросла друг в друга, соединив два тела и поделив душу Варны пополам.

Его взгляд сам собой переместился на ее округлые плечи, сильные, мускулистые руки, длинные пальцы с короткими ногтями, на поджарый живот, окрепшие от постоянной верховой езды бедра...

— Ты куда смотришь?

Дарий встрепенулся и уставился на нее, сияя что-нибудь сказать.

— Они тебя совсем не портят! — выпалил он, покрываясь алыми пятнами стыда.

— Мне, в общем-то, без разницы, — отмахнулась Варна. — В девках я давно засиделась, под венец меня никто не поведет. Не красней, отвернись, если хочешь. Твоя мужская природа выдает тебя с потрохами.

Стыд-то какой! Дарий едва за голову не схватился, но сумел сдержать малодушный порыв. Варна говорила об этом спокойно, будто ее собственная нагота ни капли не смущала, а ему сквозь землю хотелось провалиться, тут хоть прикрывайся, хоть нет, а все и так видно.

И тут Дарий понял, что в груди его бьется настоящее сердце. Все вокруг существовать перестало, остались только он и размеренные удары — тук, тук, тук, да шум крови в ушах.

Робко прижав руку к груди, Дарий замер, боясь поверить в случившееся с ним чудо.

— Что? — Варна подалась вперед и внимательно посмотрела на него. — Тебе плохо?

— Сердце, — тихо сказал он, — оно вдруг забилося.

Она недоверчиво прищурилась, а потом вдруг поднялась с лавки, подошла к нему и присела на корточки. Жестом велела ему руку убрать и свою ладонь приложила к его груди.

— Господь Всемогущий... — пробормотала она. — А ведь и правда бьется!

— Неужели не обманула Рослава? — Он сам не заметил, как сжал ее пальцы.

— Меня больше интересует, насколько сильно ей нужен Свят, раз она нас отпустить решила.

Он тут же сник. Радость радостью, но Варна права. За их свободу Свят расплачивается, и неизвестно, что ему придется делать, чтобы ведьма была довольна.

— Теперь все точно на лад пойдет. — Она встала.

— Можешь в это поверить? — Он покачал головой. — Спусти столько лет...

— Не болтай, достань лучше намазку и спину мне потри, — перебила его Варна.

Говорить об этом она была не намерена, ясно как божий день. Наверное, мысли о Святе причиняли ей боль. Ему тоже стало горько, но радость за себя все остальные чувства заглушала.

Они помогли друг другу вымыться и не произнесли больше ни слова. Он смирился, что Варна его обнаженным видит, да и к ней привык, кое-как успокоил сердце и отбросил смущение. В конце концов, они столько вместе пережили, что нагота его тревожить не должна.

Однако тревожила.

Они вышли из бани и направились было к дому, но Варна вдруг остановилась и в темноту уставилась.

— Видишь? — прошептала она, медленно приседая. — Сядь!

— Ничего не вижу, — признался он.

— Там, у дороги. Смотри, куда я указываю!

И он заметил темное пятно, приближающееся к ним. Они затаились, позволили существу прошаркать мимо и войти в дом.

— Покойник? — спросил Дарий, но сам понял, что не ошибся — ветер донес смрад гниющей плоти.

— Этого еще не хватало. — Варна осторожно двинулась в сторону дома.

Они подкрались к окну и заглянули внутрь.

Раздувшийся от долгого пребывания в воде гусяр слепо метался по горнице, натыкаясь на лавки и табуреты.

Ищет что-то, понял Дарий и тут же догадался, что именно.

Мертвец нашел гусли, кое-как поднял их негнушимися руками и навалился на дверь. Та под его весом распахнулась, он шагнул за порог, упал, гусли жалобно зазвенели, ударившись о землю. Покойник подобрал их, поднявшись, и побрел куда-то.

— Огню предадим? — спросил Дарий.

— Оружие возьмем и за ним пойдем, — решительно ответила Варна. — Давай быстрее, раз его запах живых не привлек, значит, у него есть дела поважнее.

Они вошли в дом, Варна схватила меч, Дарий — оба серпа и лучину с огнивом на всякий случай. Ночь на дворе, огонь может пригодиться.

Они быстро пошли за покойником, ведомые его отвратительным запахом. Мертвец и не думал нападать, знай себе тащился вперед, к полю, будто его влекла туда неведомая сила.

В ярком свете луны Дарий увидел множество заложных покойников. Они стояли неподвижно, все как один повернутые лицом в сторону деревни. А гусяр плелся, спотыкался, гусли в его руках жалобные стоны издавали.

— Тут побудем. — Варна схватила друга за руку и вынудила остановиться. — Опасно ближе подходить.

Они присели у ручья, скрытые неверной тенью еще голого дерева, а покойник дальше пошел.

Он занял место на камне перед толпой, положил гусли на колени и играть начал. Пронзительные трели ночную тишину нарушили — забеспокоились мертвецы, шататься принялись, толкаться; и вдруг Дарий понял: да они же в хоровод собираются!

Луна по небу катилась, звезды всё ярче сияли, а заложные знай себе хороводы водили, отплясывали, словно заведенные, а гусяр играл и играл, быстрее и быстрее, не жалея мертвых пальцев.

Вскоре Варна начала клевать носом.

— Поспи, — предложил Дарий. — Обопрись на меня, земля еще холодная.

— И тебя одного с мертвецами оставить? — Она намочила руку в ручье и провела ладонью по лицу. — Нет уж.

Но победила дрема, Дарий почувствовал голову Варны на своем плече и приобнял подругу, чтобы она не упала.

До самого рассвета заложные плясали, к восходу солнца многие из них наземь попадали, но продолжали ползать, волоча за собой сломанные ноги, а едва пропели первые петухи, мертвецы замерли и безжизненными горами плоти остались лежать на земле.

Дарий разбудил Варну, вместе они осмотрели волшебные гусли, но не нашли в них ничего странного. Затем им пришлось тела в одну кучу сложить, наломать веток в лесу и соорудить большой погребальный костер.

Быстро занялся огонь, пламя охватило мертвецов и так ярко пылало, что от его жара пришлось отойти подальше. На всю округу вонь стояла ужасная, душливый дым превратился в плотную завесу, и не было ветра, чтобы разогнать его.

Варна взяла гусли и бросила их в огонь, обтерла руки о рубаху и сказала:

— Уезжать надо, больше нам здесь делать нечего.

— А деревня? — Дарий взглянул на виднеющиеся вдали крыши.

— Пусть себе стоит, может, другие люди здесь поселятся. Не чувствую я ведьмовской порчи, не знаю, что случилось. Отправим письмо в Ясностан, пусть Светозарные этим делом займутся.

— А сами куда поедем, когда костер затухнет?

— На восток, вдруг подвернется какое дело по пути. — Варна пожал плечами и уселась на землю.

Дарий еще раз посмотрел на большой костер, тоже пожал плечами и присел рядом.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

